

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Дополненіе къ статьѣ:

ƒақонд-і осетинскихъ сказокъ и яфетической терминъ ƒaskund «магъ», «вѣстникъ»,
«вѣщая птица»*.

Н. Я. Марра.

Въ работѣ моей объ осетинскомъ терминѣ яфетическаго происхожденія, ƒақонд-і || ƒaskond'б¹, я отнюдь не исчерпывалъ подлежащихъ матеріаловъ, да и не имѣлъ въ виду ихъ исчерпать. Въ ней намѣренно совершенно обойдены молчаніемъ семитическія параллели, въ частности арабскія, и слегка затронуты — примѣрно — матеріалы изъ народной яфетической сокровищницы, притомъ лишь на нѣкоторыхъ кавказскихъ языкахъ — армянскомъ, грузинскомъ¹, мегрельскомъ и сванскомъ. Что касается литературы по вопросу о находящихся въ тѣсной связи съ ƒaskund'омъ сиренахъ, естественно, я довольствовался лишь одной изъ общихъ работъ по темѣ, хотя и единственной по полнотѣ, — Weicker'a, отнюдь не предполагая расширять тѣсныхъ рамокъ поставленной себѣ задачи, въ первую очередь лингвистической. Но, если бы она не ускользнула отъ моего вниманія, я не преминулъ бы использовать частіачно одну изъ двухъ работъ,

* Ossetica-Japhetica. I (ИРАН 1918, 2069—2100).

¹ Уже по отпечатаніи названной статьи студ. А. Алиханянъ, работающій по порученію Восточнаго Отдѣла Археологической Комиссіи надъ выборкой реальныхъ терминовъ изъ словаря Сабы Орбеліана, обратилъ мое вниманіе на то, что въ этомъ словарѣ, помимо приведенной мною формы ƒaskund'і, встрѣчается и ƒaskund'і (подъ буквой ƒ, гдѣ издатель снабдилъ толкованіе слова приглаголіемъ, пространіе повторяющимъ его же приведенное нами, ИРАН 1918, 2083, 1, приглаголіе при ƒaskund'і: «напрасно Саба называетъ птицею. Раньше такъ думали, но на самомъ дѣлѣ это мифологическое животное, и называется оно грифъ или грифонъ»). По всей видимости, въ рукахъ лексикографа былъ текстъ грузинскаго древнеписьменнаго памятника съ такой разновидностью нашего слова, по существу тождественной съ древне-армянской, и это еще болѣе подтверждаетъ принадлежность термина къ составу лексическихъ особенностей первоначальнаго грузинскаго перевода св. Писанія (см. ИРАН 1918, 2083—2084).

на которыя любезно обратилъ мое вниманіе Б. В. Фармаковскій; это русскія работы, обѣ помѣщенные въ изданіяхъ Археологической Комиссін: одна принадлежать перу его ученика, нынѣ покойнаго, — И. П. Малевъ: *Двѣ архавческія персидскія вазы изъ коллекціи В. В. Голубцова*¹, другая — произведеніе В. В. Голубцова, озаглавленное *Монеты Ольвіи по раскопкамъ 1905—1908 годовъ*².

Свѣдѣнія, собранныя въ обстоятельно разработанной замѣткѣ И. П. Малевъ и монографіи В. В. Голубцова, особенно изданныя послѣднимъ матеріалы, въ частности гербъ Ольвіи, да и Синопа, на монетахъ — птица, захватившая рыбу, параллель paskund'a съ вшар'омъ, мы сохраняемъ для использованія въ болѣе детальномъ изслѣдованіи той же и сродныхъ темъ по кавказскимъ источникамъ, но спѣшу сейчасъ же указать на то, на что не преминулъ бы я сослаться въ работѣ И. П. Малевъ, именно на встрѣчное съ нашимъ разъясненіемъ термина paskund' исканіе происхожденія памятника искусства съ изображеніемъ исключительнаго вида сирены [собственно — «сирена», paskund'a] и на обоснованіе этого исканія фактами вещественнаго порядка изъ того именно міра, который вырисовывается какъ яфетическій. Этотъ уклонъ мысли особенно цѣненъ для насъ, когда завѣдомо извѣстна непричастность молодого ученаго къ яфетидологіи. Вѣдь вѣдь спора его привязанность къ опредѣленію греческой культуры какъ арійской, его готовность къ принятію (очевидно на этомъ фонѣ аріизма греческой культуры) безъ оговорки мнѣнія, раздѣляемаго и Weicker'омъ, что «представленіе обѣ окрыленномъ видѣ душъ», дѣйствительно проходящее «черезъ всю греческую литературу» и «обѣ явленіяхъ духа именно въ видѣ птицы» есть нѣчто «общее не только грекамъ, но и всѣмъ арійцамъ». Потому же онъ приходитъ въ итогѣ ряда соображеній, навѣянныхъ освѣщеніемъ Weicker'a, къ тому, что «тишь сирены, засвидѣтельствованный многочисленными изображеніями, начиная съ архавческой эпохи, долженъ быть вполне понятнымъ и объяснимымъ греческими исконными представленіями»³.

При этихъ общихъ съ Weicker'омъ традиціонныхъ привязанностяхъ, И. П. Малевъ и далѣе излагаетъ свое особое пониманіе съ опорой на взглядъ нѣмецкаго ученаго, когда онъ пишетъ⁴: «Слѣдовательно, если художественный тишь сирены, какъ показалъ тотъ же Вейкеръ, не оказывается исконнымъ греческимъ, но несомнѣнно заимствованъ изъ Египта, гдѣ сирена тоже соот-

¹ ИАРК, вып. 58 (1915), стр. 57—81.

² ИАРК, вып. 51 (1914), стр. 67—118.

³ И. П. Малевъ, стр. 75.

⁴ Ц. с., стр. 75.

вѣтствовала опредѣленнымъ религіознымъ воззрѣніямъ и гдѣ, главное, была дѣйствительно исконнымъ культовымъ изображеніемъ, то въ Грецію она была принята не какъ простой орнаментальный мотивъ, а какъ „вполнѣ повитное выраженіе широко распространеннаго воззрѣнія“¹. Словомъ, Вейкеръ вполнѣ правъ, усматривая въ каждомъ греческомъ изображеніи сирены, особенно архаическаго стиля, отраженіе опредѣленнаго религіознаго представленія».

Здѣсь уже выступаетъ со специальнымъ уклономъ самостоятельнаго толкованія безвременно скончавшейся молодой русской ученыи, и далѣе въ этой части однако не сразу отрѣшающійся отъ схематическаго освѣщенія нѣмецкаго пзслѣдователя, поскольку онъ пишетъ: «Соображаясь съ этими выводами Вейкера, мы можемъ такимъ образомъ и въ нашей «сиренѣ» — спокойно стоящей птицѣ съ мужской головой, не охарактеризованной ни какъ свирѣпое существо, ни какъ блаженное, — видѣть изображеніе души умершаго мужчины, имѣющее специальное апотропейческое назначеніе и, быть можетъ, стремящееся передать извѣстныя индивидуальныя черты покойнаго, и, слѣдовательно, самый сосудъ считать предназначеннымъ для помѣщенія въ могилу покойнаго».

Не касаясь степени вѣроятности предполагаемаго стремленія мастера «передать извѣстныя индивидуальныя черты покойнаго», мы не можемъ не привести *verbatim* слѣдующей совершенно самостоятельной на этотъ разъ мотивировки И. П. Малева въ подкрѣпленіе этого взгляда, снесенной въ примѣчаніе не въ соотвѣтствіи съ ея общимъ значеніемъ и по цѣнности наблюденій, и по важности выводовъ:

«Въ пользу такого взгляда на нашу «сирену» говоритъ еще одно упущенное Вейкеромъ обстоятельство, а именно типъ бороды, столь хорошо опредѣлимый при фасѣ лица нашей «сирены». Такой типъ мужской прически, широкая борода, выходящая изъ-подъ щекъ и подбородка, съ выбритой верхней и нижней губой, идетъ отъ хеттовъ, какъ вполнѣ вразумительно указалъ Паульсенъ (*Der Orient u. die frühgriech. Kunst*, стр. 13 и *passim*). Это отнюдь не египетская узкая бородка, не пышно расчесанные борода и усы ассириавилонянъ. Между тѣмъ на лицахъ греческихъ изображеній архаическаго и даже микенскаго стилей мы какъ разъ такую прическу постоянно видимъ, и нужно думать, что Финслеръ (*Homer I*, стр. 125) правильно подмѣтилъ у мужчинъ гомеровскаго общества отсутствіе усовъ (по крайней мѣрѣ въ эпоху нѣтъ ни одного упоминанія о нихъ). Получается, такимъ образомъ, то впечатлѣніе, что наша сирена и въ этомъ отношеніи

¹ Ц. с., стр. 76.

не передает готовый египетскій типъ, но выдержана въ одной современной ей греческой модѣ».

Вопросъ впрочемъ не въ томъ, мода ли это или неизбѣжное эволюціонное развитіе органически наличныхъ въ странѣ нормъ, а въ слѣдующемъ: откопанный въ Ольвіи памятникъ VII—VI вѣка съ единственнымъ въ своемъ родѣ изображеніемъ «сирены» религіознаго значенія¹ оказывается по стилю въ ближайшемъ родствѣ съ прозведеніями искусства хетскаго края, между тѣмъ съ тѣмъ же краемъ въ неразрывной генетической связи находились непосредственно примыкавшія къ нему съ сѣвера кавказскія страны, этнически-культурно объединяющіяся и нынѣ, отъ Арменіи до сѣверныхъ склоновъ кавказскаго хребта, между прочимъ распространеніемъ въ нихъ термина *raskund'a*, названія двойника именно той же сирены, или, какъ мы предпочли бы назвать это мужское мифологическое существо, того же сирена и сосредоточеніемъ на немъ, на образѣ *raskund'a*, разнообразныхъ племенныхъ или народныхъ оттѣнковъ однихъ и тѣхъ же общихъ яфетическихъ религіозныхъ вѣрованій.

¹ И. П. Малевъ, с., стр. 76—77.